

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.С. МАЛАХОВ

Гражданство и иммиграция в странах либеральной демократии: между идеологией и прагматикой

Тема статьи – методологическая контроверза в современных исследованиях в области политики иммиграции и гражданства между “культуралистским” и “прагматическим” подходами. Анализ сильных и слабых сторон каждой из теоретических позиций показывает: они скорее дополняют, чем исключают друг друга.

Ключевые слова: национальное государство, миграция, гражданство, политическая культура, идентичность.

The subject of the article is methodological controversy in modern studies in the area of immigration and citizenship policy between “cultural” and “realist” access. Analysis of strong and lame sides of these academic attitudes demonstrates: they more add, than exclude one another.

Keywords: nation-state, migration, citizenship, political culture, identity.

Один из фундаментальных вопросов политической теории – вопрос о детерминантах принимаемых политиками решений. Задается ли их выбор некими константами или он всякий раз ситуативен? Отражают ли принимаемые элитами той или иной страны решения особенности национальной традиции или зависят исключительно от “переменных”, связанных с конкретной ситуацией?

Вариантом этой задачи в контексте иммиграционной политики и политики в сфере гражданства выступает спор вокруг так называемой “культуралистской гипотезы”. Ее сторонники убеждены, что законодательство той или иной страны в сфере гражданства в конечном итоге зависит от способа мышления элит, который, в свою очередь, отражает господствующую в государстве политическую культуру. Это предположение, однако, не принимается целым рядом специалистов, видящих в нем бездоказательную спекуляцию. Разбору аргументов обеих сторон посвящена эта статья.

“Убить Брубейкера”: проверка культуралистской гипотезы

В 1992 г. американский социолог Р. Брубейкер опубликовал труд, которому было суждено стать хрестоматийным в академической литературе по иммиграционной политике и политике в области гражданства. Согласно центральному тезису этой книги,

Малахов Владимир Сергеевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, директор Центра изучения проблем гражданства и идентичности (ЦИПИ).

отношение того или иного государства к иммиграции и иммигрантам (как к их допуску на территорию, так и к возможности их натурализации) определяется тем, каким образом в этом государстве понимается нация. Если она трактуется преимущественно в политических терминах – как сообщество, формируемое общностью территории, то есть как гражданское сообщество, – то законодательство о гражданстве будет более “инклюзивным”. Иммигранты относительно легко становятся гражданами (через процедуру натурализации), а их детям – благодаря действию “права почвы” (*jus soli*) – гражданский статус почти обеспечен [Brubaker, 1992].

Если же нация понимается преимущественно в этнических терминах – как группа, объединенная общностью происхождения, – то законодательство о гражданстве более “экслюзивно”, а возможности натурализации иммигрантов крайне ограничены. Что же касается их потомков, то, коль скоро закон о гражданстве зиждется на “праве крови” (*jus sanguinis*), им не предоставляется возможность автоматически обрести гражданский статус по достижении совершеннолетия. Демонстрируя этот тезис, Брубейкер опирался на примеры Франции и Германии как на два парадигматических случая: первый – пример господства гражданской концепции нации, второй – пример этнического понимания ее природы.

Книга Брубейкера произвела огромное впечатление на ученый мир. Центральное ее положение – об обусловленности законов о гражданстве способом воображения нации – стало исходным пунктом для бесчисленного множества работ. Это положение и вошло в исследовательский корпус под именем “культуралистской гипотезы”.

Однако такого рода рассуждения убедили далеко не всех. Более того, нашлись эксперты, воспринявшие культуралистскую гипотезу в штыки. В частности, французский историк и правовед П. Вейль объявил ей настоящую “вендетту”, выступив не просто с комментариями, релевантными теории Брубейкера, но назвав ее “полным вздором”. По мнению Вейля, законодательство о гражданстве отражает географическую и историческую ситуацию конкретной страны. По мере того как эта ситуация меняется, изменяется и законодательство. Иными словами, французский исследователь категорически не приемлет допущения, согласно которому законы о гражданстве каким-либо образом могут быть связаны с такими абстрактными материями, как способ воображения нации. Специалист по истории права, Вейль, разумеется, не может отрицать такого обстоятельства, как “вес правовой традиции” в той или иной стране. Однако эта традиция в конечном итоге уступает давлению обстоятельств (см. [Weill, 1996; 2008, p. 173–193]).

Подходя к делу строго исторически, надо сказать, что представление о Франции как о стране, где искони доминировал принцип *jus soli*, некорректно. На протяжении большей части XIX столетия (с 1803 по 1889 г.) эта страна придерживалась как раз *jus sanguinis*. Введение же в законодательство принципа *jus soli* произошло достаточно поздно и было вызвано потребностью в солдатах. Начиная с середины XIX в., Франция – в отличие от всех своих соседей – в массовом порядке принимала иммигрантов: по сути, она уже тогда была иммиграционной страной. Но проживающие в ней иностранцы не спешили принимать французское гражданство, поскольку это позволяло им избегать службы в армии. Желая исправить положение, парламент в 1851 г. принял закон, на юридическом языке называемый “двойным правом почвы”: ребенок, родившийся от проживающего во Франции иностранного отца, также родившегося здесь, считался французским гражданином с момента рождения. Правда, по достижении совершеннолетия от французского гражданства можно было отказаться (что зачастую и происходило). Так что закон 1851 г. был, так сказать, репетицией последующего правового уложения, которое сделало действие “двойного права почвы” неотменяемым. Новый закон 1899 г. отменил уступку, позволявшую третьему поколению иммигрантов отказаться от французского гражданства, вступление в которое отныне происходило **автоматически**¹. Соответственно, автоматически происходил и их призыв в армию.

¹ Кроме того, закон предусматривал, что второе поколение – *дети* проживавших в стране иммигрантов, вступали во французское гражданство по достижении совершеннолетия (если только не выражали желания принять гражданство другой страны).

Следовательно, факт, что во Франции стало действовать “право почвы”², не предусмотренное в соседних странах, объясняется вовсе не приверженностью французов некоей особой идее гражданства, а вполне прагматическими соображениями. Соседям Франции в ту пору и вплоть до окончания Второй мировой войны попросту незачем было вводить у себя аналогичное законодательство: ведь они не были странами иммиграции. Впрочем, все государства континентальной Европы – за исключением, пожалуй, Швейцарии, до 1945 г. были странами эмиграции, скорее теряя свое население, чем принимая новых жителей³.

Но меняется реальность – меняются и законы. “Двойное право почвы” вводят Нидерланды (1953), Испания (1990), Бельгия (1992). *De facto* дети иммигрантов становятся гражданами по достижении совершеннолетия в Великобритании, Ирландии и Португалии. В Ирландии это происходит автоматически⁴, в Великобритании – при условии постоянного проживания родителей, в Португалии – при условии проживания родителей от 6 до 10 лет, предшествовавших рождению ребенка. Остальные страны ЕС предоставляют родившимся на их территории детям мигрантов возможность натурализации (что для следующего поколения означает гарантированное вступление в гражданство по факту рождения). Поправки к соответствующим законам приняло в течение 1990-х гг. большинство стран Западной Европы. К началу XXI в. оставалось только три государства Евросоюза, в которых автоматическое вступление в гражданство для третьего поколения мигрантов практически не было гарантировано: Австрия, Греция и Люксембург [Hansen, 1998]. Да и последний уже покинул этот список, о чем пойдет речь ниже. Требования закона, которыми обусловлено такое вступление, варьируются незначительно. В Дании, Финляндии и Швеции это происходит в возрасте от 21 до 23 лет, при условии, если лицо постоянно проживало в стране с 16 лет или в течение пяти лет до достижения шестнадцатилетия. В Бельгии – в возрасте от 18 до 30 лет или по заявлению родителей до достижения ребенком двенадцатилетнего возраста. В Испании – по ходатайству родителей через год после рождения ребенка. В Италии – по достижении индивидом 21 года, при условии его постоянного жительства в стране с момента рождения.

Несомненный козырь в руках Вейля – объединение ФРГ и ГДР. Вскоре после падения Берлинской стены Федеративная республика проводит реформу законодательства о гражданстве, а на рубеже 1990–2000 гг. принимает новые законы: о гражданстве и об иммиграции, которые ставят ее в один ряд с остальными европейскими государствами. Стало быть, ничего иррационального (продиктованного немецкой склонностью к “этнической” трактовке нации) в законодательстве Германии не было.

Наконец, мощным тараном для разрушения теоретической постройки Брубейкера служит аргумент о конвергенции, а именно то обстоятельство, что законы о гражданстве различных стран либерально-демократического мира начинают все больше походить друг на друга, а по мере прогресса европейской интеграции эти установления и попросту унифицируются. О какой уж специфике сложившихся представлений о нации и их влиянии на законодательство здесь можно говорить!

² Уточню, что речь идет именно о “двойном праве почвы”, отличном от чистого “права почвы”, действующем в Соединенных Штатах, когда самого факта рождения на территории страны достаточно, чтобы обладать правом на гражданство.

³ Это касается и Швеции, и Германии, и Бельгии – стран, которые в наши дни никак не ассоциируются с местом, теряющим население. Если, например, посмотреть, кто составляли костяк иммигрантов в Швейцарии перед началом Первой мировой войны, то окажется, что это были немцы и итальянцы. Трудовые же мигранты во Францию времен Третьей республики прибывали в основном из Бельгии, Швеции, Португалии, Испании, Италии, а после 1918 г. – из Польши и Чехословакии (сюда можно было бы добавить Алжир, но он в те времена считался территорией Франции).

⁴ В Ирландии *jus soli* действует с 1830-х гг. (со времен, когда она была частью Британской империи). До начала 2000-х гг. это право вообще не сопровождалось оговорками, будучи аналогичным “праву почвы”, действующему в США. Однако после проведенного в 2004 г. референдума условием гражданства ребенка из мигрантской семьи (по факту рождения) является легальное проживание в стране одного из родителей в течение трех лет.

Однако все это не означает, что концепцию Брубейкера следует считать опровергнутой. На мой взгляд, существуют, по меньшей мере, три основания, позволяющие удержать “культуралистскую гипотезу”. Прежде всего аргументы, приводимые Вейлем, – сугубо эмпирические. Французский историк рассуждает как фактограф, позитивист, который слышать ничего не хочет о теоретических “спекуляциях”. В результате вместо коррекции теории Брубейкера мы получаем полный отказ от нее. Но как бы ни были важны коррективы, не стоит выплескивать вместе с водой и младенца. А “младенец”, выплеснуть которого Вейль готов вместе с водой, – концепция политической культуры. Он вообще отрицает существование таковой или, во всяком случае, считает политическую культуру величиной столь незначительной, что не видит нужды обсуждать ее влияние на поведение законодателей. Между тем *способы мышления элит, системы допущений, которые в данном социокультурном контексте считаются само собой разумеющимися, “идеологический климат”, определяющий пространство возможностей в политико-правовой сфере*, короче говоря – политическая культура того или иного государства имеет прямое отношение к тому, как в нем делается политика. То, что Вейль полностью устраняется от обсуждения подобных материй, характеризует его как убежденного позитивиста. А выбор в пользу позитивизма делает его абсолютно невосприимчивым к теории как таковой. Таково первое основание, предупреждающее против скоропалительных выводов в отношении гипотезы Брубейкера.

Второе основание связано с тем, что умозаключения Вейля в действительности тоже *концептуально нагружены*. Вера в возможность оперирования чистыми фактами, не “искаженными” теорией, – иллюзия. Наивно отвергать концепт Брубейкера только на том основании, что он слишком умозрителен (тогда как позиция Вейля “конкретна”).

И наконец, третье основание, в силу которого отказ от гипотезы Брубейкера был бы преждевременным. Оно касается корректности ее воспроизведения. Американский социолог в изложении своих взглядов достаточно осторожен. Он не делает тех прямолинейных утверждений, в которых его обвиняет оппонент. Брубейкер, в частности, никогда не сводил французский подход к гражданству к принципу *jus soli* (он вел речь о комбинации принципов *jus soli* и *jus sanguinis*). Более того, он нигде не противопоставляет немецкую и французскую традиции в понимании нации как два чистых случая (или идеальных типа) в трактовке ее природы – “этнической” и “гражданской”. Он утверждает лишь, что в немецкой традиции понимание национального сообщества “более этнокультурное”, а во французской – “более этатистское”, центрированное на государстве (*state-centered*) и, соответственно, более “ассимиляционистское”. При этом он знакомит читателя с реальным многообразием позиций на политико-идеологическом поле в каждой из стран: о приверженцах нативизма во Франции⁵ и о сторонниках гражданско-политического понимания национальной принадлежности в Германии⁶. Тем не менее во Франции явно доминирует “гражданский” подход, а в немецких – “этнический”, точнее, “этнокультурный”.

Иначе говоря, понимание сущности нации и, соответственно, критериев национальной принадлежности, распространенное в той или иной стране, лишь задает пространство дискуссии. Оно, так сказать, форматирует публичное обсуждение темы гражданства – определяет, в каких категориях это обсуждение будет происходить, на какие исходные допущения опираться, какие из них будут восприниматься участниками дискуссий как само собой разумеющиеся, а какие – как противоречащие здравому смыслу. Словом, концепция, с которой воюет Вейль, это не концепция Брубейкера как таковая, а карикатура, которую из нее сделал французский историк.

⁵ В частности, из книги Брубейкера можно многое узнать об идеологии французского “Национального фронта” и ему подобных организаций, для которых *entre rfançaise – cela le mérite* – и которые убеждены в неассимилируемости некоторых иммигрантских групп.

⁶ Это, разумеется, представители левого и леволиберального сегмента политического поля, консолидированные вокруг формулы Ю. Хабермаса о “конституционном патриотизме”.

И все же на его стороне остается один весомый аргумент – фальсификация: несоответствие теории Брубейкера обнаруженным фактам. Я имею в виду известную либерализацию немецкого законодательства о гражданстве, произошедшую вскоре после объединения Германии в 1990 г. Разве этот факт не противоречил основному тезису американского социолога? Он сам полагал, что нет, поскольку либерализация правил натурализации “мало что добавляет к возможности гражданского инкорпорирования мигрантов”. Поэтому “нет никакого шанса, что французская система *jus soli* будет принята (в Германии. – В.М.). Автоматическое превращение иммигрантов в граждан остается в Германии невысказанным” [Brubaker, 1992, p. 185]. Однако в 1999 г. бундестаг принял новый закон о гражданстве, в котором принцип *jus soli* отчасти был признан. Не служит ли это опровержением утверждений Брубейкера? Вряд ли, так как указанный принцип был признан немецкими законодателями именно частично. Речь не идет об автоматическом превращении детей иммигрантов в граждан, как то происходит во Франции⁷. Для того чтобы стать немецким гражданином, ребенок, родившийся в Германии в семье иммигрантов после 1 января 2000 г., должен выполнить два условия: а) обратиться в органы власти с письменным заявлением; б) сделать выбор между гражданством ФРГ и гражданством другой страны. Двойное гражданство – по-прежнему институт, отвергаемый немецкими законодателями как нежелательный (см. [Bultmann, 2002]). Эта ситуация, как мы видим, разнится с той, когда, для того чтобы *не стать гражданином* по достижении совершеннолетия, от гражданства необходимо письменно отказаться, как это происходит по действующему французскому законодательству (см. [Country... 2010]). Следовательно, возможности натурализации мигрантов в каждой из двух стран выглядят по-разному: во Франции они значительно шире, чем в Германии. Это сказывается на темпах натурализационного процесса: французское гражданство ежегодно получают 4,6% мигрантского населения, тогда как немецкое – 1,8% [Hochfield, Mollenkopf, 2009, p. 6].

Наконец, весьма симптоматичны немецкие дискуссии вокруг законодательства об иммиграции. Упорное нежелание немецких консерваторов от блока ХДС/ХСС, находившихся у власти с 1981 по 1997 г., признать факт превращения Германии в “иммиграционную страну” стало в 1990-е гг. притчей во языцех. Многие участники публичных дебатов, будь то в парламенте или в СМИ, повторяли как мантру “*Deutschland ist kein Einwanderungsland*” (“Германия не является страной иммиграции”) вопреки очевидным фактам⁸. Новый закон об иммиграции, частично признавший факт превращения ФРГ в иммиграционную страну, удалось принять лишь в 2002 г. То есть немецкие элиты существенно скорректировали прежний подход к гражданству и к иммиграции. Но у этой коррекции обнаружились пределы. Не говоря уже о том, что для того чтобы эта коррекция произошла, потребовалось целое десятилетие. Это свидетельствует о влиянии, которое оказывает на процесс принятия политических решений национальная политическая культура.

И еще один эмпирический аргумент, который можно противопоставить ригоризму Вейля, – политика в сфере гражданства, практикуемая в двух странах Балтии: Латвии и Эстонии. Невозможно отрицать влияние, которое оказала на законодательство обоих государств идеология этнонационализма. Исходя из представления о нации как этническом сообществе, латышские и эстонские парламентарии приняли вскоре после выхода из СССР законы, вообще исключавшие из гражданства русскоязычное население. Хотя формально новое законодательство не оперировало этническими категориями и выглядело как восстановление законодательства о гражданстве, действовавших

⁷ Ребенок родившийся в семье постоянно проживающих во Франции иммигрантов, становится французским гражданином по достижении 18-летнего возраста. Был период (1993–1997), когда для этого требовалось обращение к властям с соответствующей “декларацией”. После 1998 г. формального ходатайства не требуется. Вступление в гражданство происходит, по сути, автоматически. Единственная оговорка в законе: пять лет постоянного жительства, предшествовавшие совершеннолетию.

⁸ Этой немецкой особенности посвящена обширная литература (см., например, [Leggewie 1993^a; 1993^b; Hollifield, 2004]).

до 1940 г., фактически новые законы означали поражение в правах именно этнически “чуждого” населения. Обязательное требование знания государственного языка (возможность двуязычия даже не обсуждалась), а также необходимость сдачи теста на лояльность породили ситуацию, когда сотни тысяч людей, постоянно проживавших в этих странах на момент провозглашения независимости, продолжают оставаться “негражданами”. Несмотря на критику со стороны европейских коллег (не говоря уже о российских), власти двух Балтийских государств продолжают настаивать на правильности избранного ими курса [Poleshchuk, Tsilevich, 2004].

Подведем предварительный итог. Похоже, что из дуэли Вейль vs Брубейкер вполне возможно выйти через примирение сторон, признав, что связь между способом воображения нации и законодательством о гражданстве отрицать не следует, но эта связь **не каузальна**. Строго говоря, оба подхода не противоречат, но скорее дополняют друг друга. Если Брубейкер обращает внимание на детерминированность политики концептуальными представлениями ее акторов (и в частности, их представлениями о том, что такое национальное сообщество), то Вейль призывает сосредоточиться на конкретно-исторических, ситуативных детерминантах политических решений. И вообще, почему, подчеркивая значимость прагматических соображений руководства государства (*raison d'état*), мы должны исключать то обстоятельство, что на процесс принятия решений оказывают влияние и идеологические соображения? Или, формулируя тот же вопрос академически, почему “политика интереса” (*politics of interest*) непременно должна противоречить “политике идентичности” (*politics of identity*)?

Словом, теоретическое предприятие Вейля по уничтожению концепции Брубейкера с самого начала было обречено. Гипотезу последнего нельзя опровергнуть, но ее можно скорректировать. Вопрос не следует ставить в виде дизъюнкции: либо концептуальные допущения (идеология) элит и политическая культура общества, либо прагматические действия руководства государства, отражающие интересы последнего в данный момент (*raison d'état*). Гораздо более продуктивна постановка вопроса, учитывающая как культурно-идеологическую, так и прагматическую составляющую политических решений.

Рациональный выбор в политике в сфере гражданства: идеология плюс прагматика

Согласно теории рационального выбора, решения, которые принимают политики, определяются соотношением выгод и издержек. Но выгоды и издержки далеко не всегда материальны. Символические приобретения (и потери), как, скажем, репутация страны на международной арене, имеют не меньшую значимость, чем материальные. Не говоря о том, что политические решения, на первый взгляд выглядящие “иррационально”, зачастую оказываются вполне рациональными, если принять во внимание всю совокупность факторов, лежащих в их основе. Например, то обстоятельство, что немецкое руководство в 1990-е гг., вопреки реалиям, продолжало отрицать факт превращения **Германии** в иммиграционную страну, было принято объяснять “иррациональной” приверженностью немецких элит идеалу национального государства в этническом смысле слова “нация”. Между тем, хотя данная особенность немецкой политической культуры в самом деле имела немалое значение, куда больший вес приобрели факторы совсем иного рода – особенности политической ситуации в стране в рассматриваемый период. В силу действия параграфа 16 Конституции ФРГ оказалась единственной европейской страной, прием беженцев в которую был, по сути, не привилегией, предоставляемой государством, а его обязательством⁹. В результате ежегодный приток в Германию претендентов на статус беженца (и соответственно, на щед-

⁹ С формально-юридической точки зрения, прием беженцев – обязательство любого государства, подписавшего Женевскую конвенцию. Однако, как правило, такое обязательство оговорено множеством условий, которые позволяют в убежище отказать.

рые социальные пособия того времени) стал составлять до 400 тыс. человек. В этих условиях настаивание на “национальной” природе немецкого государства было для консерваторов эффективным инструментом борьбы за пересмотр упомянутого параграфа Основного закона. Под их давлением в параграф 16 Конституции были внесены поправки, существенно затруднившие возможность ходатайства об убежище (не говоря уже о его предоставлении).

О том, что культурно-идеологические и прагматические мотивы в политике в сфере гражданства могут сочетаться, свидетельствует множество иных примеров, часть которых заслуживает упоминания. Начнем с США. Нет нужды говорить о фундаментальном характере, которое имеет для всей “американской идеологии” представление о нации как о территориальном сообществе. В соответствии с этим представлением человека делает американцем не происхождение (оно может быть любым), а сам факт его жительства в Америке. Из данного факта, как предполагается, вытекают и добросовестная уплата налогов, и вклад в экономику, и участие в общественной жизни, и т.п. В рамках данной логики и возник такой пункт американского законодательства, как безоговорочное “право почвы”. В соответствии с указанным пунктом, американским гражданином является любой индивид, родившийся на территории одного из штатов. Отсюда следует, что правом на гражданство обладают и дети нелегальных иммигрантов. Указывая на эту – весьма нежелательную – импликацию действующего закона, представители американского истеблишмента и общественности не раз ставили вопрос о необходимости коррекции закона. Тем не менее было решено, что отмена нормы об абсолютном “праве почвы” будет иметь последствия еще более нежелательные. Речь идет об издержках как материального, так и символического свойства. К первым относятся неизбежные коллизии, которые возникнут в результате пересмотра действующей нормы (отказа в предоставлении гражданства тем несовершеннолетним, кто имели на него право, и т.д.). Что касается последствий второй группы, то они имеют прямое отношение к “американской идеологии” – к самопониманию американского общества и к его имиджу за рубежом как территории свободы. Этот аргумент, сколь бы идеалистически он ни выглядел в глазах внешнего наблюдателя, все еще имеет немалый вес в политической культуре США.

Другая красноречивая иллюстрация тезиса о сосуществовании культурно-идеологических и прагматических мотивов в формировании политики гражданства – **Израиль**. Как известно, в основе израильского законодательства о гражданстве лежит право на возвращение (или Закон о возвращении). Согласно этому закону, любой еврей имеет право на возвращение на историческую родину, то есть в сегодняшний Израиль. Государство гарантирует репатрианту автоматическое гражданство, а вместе с ним и полноту гражданских, политических и социальных прав. Идеологическая подоплека данной правовой нормы очевидна. Это идеология сионизма, который восходит к идее возрождения еврейского народа через создание своего государства. Однако вопрос о том, как интерпретировать еврейство, остается в значительной мере дискуссионным. Согласно галахическому, то есть основанному на канонах иудаизма, определению, евреем считается человек, родившийся от матери-еврейки, либо человек, исповедующий иудаизм¹⁰. Между тем в Законе о возвращении, который лег в основу израильского Закона о гражданстве, принадлежность к еврейству трактуется гораздо шире, и правом на возвращение, а значит, и на гражданство, обладает каждый человек, имеющий хотя бы одного родственника-еврея в третьем поколении (бабку или деда). По сути, в данной трактовке еврей – это человек, которого другие считают евреем¹¹.

¹⁰ При этом важно еще установление факта, что человек, родившийся от матери-еврейки, не принял другую религию. В то же время исповедующий иудаизм может быть как евреем по происхождению, так и неевреем, принявшим иудаизм (для этого он проходит сложную процедуру “гиюр”). Как видно, в этой интерпретации принадлежность к еврейству основана на религиозной лояльности, а не на “крови”, как то утверждают некоторые критики сионизма.

¹¹ Право на возвращение предусматривало возможность избежать уничтожения всем тем, кто могли быть отнесены к евреям по Нюрнбергским законам, принятым нацистами в 1934 г.

Налицо коллизия между светским (секулярным) и религиозным пониманием сущности еврейского государства. Эта коллизия проявляется, среди прочего, в том, как в сегодняшнем Израиле выглядят семейно-брачные отношения. Поскольку секулярный институт брака в Израиле отсутствует, для нерелигиозных граждан это означает, что они не могут зарегистрировать свой брачный союз. Люди выходят из положения следующим образом. Они отправляются за границу (чаще всего на Кипр) и регистрируют брак там. Распространена также практика обращений в посольство Уругвая, где за регистрацию взимают самые низкие пошлины. Государство такой брак признает.

Впрочем, в израильских общественно-политических дебатах представлена точка зрения, которая не уместится в контекст дискуссий между сторонниками секулярного и религиозного истолкования еврейского государства. Это радикальные демократы, отстаивающие чисто гражданскую концепцию нации. В их истолковании Израиль – не государство евреев, а государство израильских граждан. Понятие “еврей”, соответственно, должно уйти на второй план, уступив место понятию “израильтянин”. Гражданская идентичность должна иметь приоритет перед этнической. В Израиле живут равные перед законом граждане, независимо от их этнического происхождения, а не евреи и этнические меньшинства. Такой позиции придерживается, например, профессор Тель-авивского университета Ш. Занд, недавно вышедшая книга которого наделала много шума и у себя в стране, и за ее пределами [Sand, 2009; Kein... 2010, S. 13].

Абсолютно противоположна позиции радикальных демократов точка зрения, которую можно назвать биологизаторской (если не сказать – расистской). Ее приверженцы убеждены в наличии некоего еврейского “гена”, который и был залогом выживания еврейского народа в течение двух тысячелетий после рассеяния. К числу биологизаторов принадлежит, например, министр иностранных дел Израиля А. Либерман.

Что касается израильских властей (прежде всего, законодателей и судей), то они стремятся выработать компромиссную позицию. Разумеется, крайности – будь то, условно, полюса Занда или Либермана – не обсуждаются. Тем не менее напряжение между пониманием Израиля как государства демократического, исходящего из приоритета прав человека, и государства еврейского, каким-то образом привилегированного евреев, ощущается и на правовом поле. Важным прецедентом, надолго определившим политические и публичные дискуссии о природе израильского государства, стал так называемый “казус Шалита”, когда Верховный суд признал статус евреев за детьми человека, который, будучи евреем по происхождению, был неверующим и состоял в браке с женщиной – нееврейкой ни по происхождению, ни по вере¹².

Другой характерный пример, на который можно опереться, отстаивая свой тезис о сосуществовании культурно-идеологических и прагматических мотивов в политике гражданства, – **Люксембург**. Это крошечное государство получило независимость в 1839 г. Поначалу закон о гражданстве базировался, как и везде в Европе, на “праве крови”. В 1878 г. он был дополнен принципом “двойного права почвы” по французскому образцу. Резон такой законодательной новеллы вполне понятен: стимулировать процесс инкорпорирования в национальное сообщество новых членов. Однако в 1940 г. эта поправка была отменена, и Люксембург снова вернулся к “праву крови”. Причиной тому была экспансия нацистской Германии, навязывавшей соседям свое понимание “немецкости” (*Deutschtum*).

Вернувшись к практике установления гражданства по происхождению, люксембургские законодатели рассчитывали сохранить местную идентичность. В случае же

¹² В 1960 г. Управление регистрации отказало офицеру израильского флота Б. Шалиту в том, чтобы записать его дочь еврейкой по национальности. Аналогичный отказ последовал и в отношении родившегося позднее сына. Оба ребенка получили статус израильских граждан (на основании гражданства родителей), но в графе “национальность” в их метриках стоял прочерк. Шалит подал апелляцию в Верховный суд, который в конечном итоге признал правоту истца. Суд постановил, что Управление регистрации не должно вмешиваться в решение вопроса о национальной идентификации ребенка. При этом четверо из девяти судей голосовали “против”, подчеркивая принципиальный характер иудаизма для принадлежности к еврейскому народу.

действия “права почвы” жители Люксембурга быстро растворились бы в немецком населении Третьего рейха. К этому же периоду восходят и рестриктивные меры в сфере политики натурализации: длительный срок минимального проживания (10 лет), требование знания языка (одного из трех официальных), а также других показателей достаточной ассимилированности в люксембургское национальное сообщество. Отсюда и проистекает факт, что Люксембург до недавних пор принадлежал к числу государств с наименее либеральным законодательством о гражданстве. В последние же годы, однако, здесь наметились тенденции к либерализации. В 2001 г. был принят новый закон о гражданстве, основанный на “праве почвы” (гражданство *по достижении совершеннолетия* для детей мигрантов и *автоматическое* для их детей), а также разрешавший двойное гражданство. Эти новеллы вызваны обеспокоенностью люксембургского политического класса конкурентоспособностью страны в условиях глобальной экономики. И разумеется, адаптацией национального законодательства к законодательствам, действующим в Бельгии и Нидерландах – соседях Люксембурга по Бенилюксу.

Наконец, последний пример – уже упомянутые две балтийские страны – **Эстония и Латвия**. Как говорилось выше, власти этих государств упорствуют в приверженности “этнической демократии”. Отсюда проистекает и скандальное обстоятельство поражения в правах значительной части населения. В то же время под нажимом Евросоюза эстонские и латышские власти ввели в свои законодательства о гражданстве ряд послаблений. В частности, в 1998 г. они приняли поправки, согласно которым дети неграждан, родившиеся в этих странах после обретения суверенитета, вступают в гражданство автоматически (по ходатайству родителей).

Таким образом, любые политические решения в сфере гражданства не могут рассматриваться как фатально предопределенные. То, какая линия возобладает в соответствующей политике той или иной страны, зависит, в конечном счете, от конкретной исторической ситуации. Тем не менее нельзя отрицать влияния на эту политику и совокупности представлений, обусловленных политической культурой данного общества. Мотивы культурно-идеологического свойства порой имеют не меньшее значение, чем мотивы сугубо прагматические. Одним словом, “политика идентичности” и “политика интереса” не столько исключают, сколько дополняют друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge (Mass.), 1992.
- Bultmann P.* Dual Nationality and Naturalisation Policies in the German Laender // Dual Nationality, Social Rights and Federal Citizenship in the US and Europe. Oxford, 2002.
- Country Report: France. EUDO Citizenship Observatory, January 2010, Revised April 2010. Robert Shuman Centre for Advanced Studies (<http://www.eudo-citizenship.eu>).
- Hansen R.* A European Citizenship or Europe of Citizens? Third-Countries Nationals in the European Union // Journal of Ethnic and Migration Studies. 1998. № 4.
- Hollifield J.* The Emerging Migration State // International Migration Review. 2004. № 38.
- Hochfield J.L., Mollenkopf J.H.* Setting the Context // Transatlantic Perspectives on Immigrant Political Incorporation. Ithaca–New York, 2009.
- Keine Illusionen über die Vergangenheit // Jüdische Zeitung. April. 2010. № 50.
- Leggewie C.* Druck von rechts treibt die Bundesrepublik? München, 1993^a.
- Leggewie C.* Multi Kulty. Berlin, 1993^b.
- Poleshchuk V., Tsilevich B.* The Baltic States before EU Accession: Recent Developments in Minority Protection (http://www.cilevics.eu/NGO_Research/publications/2004_02.pdf).
- Sand Sh.* The Invention of the Jewish People. London–New York, 2009.
- Weil P.* Jus Soli versus Jus Sanguinis: the False Opposition between French and German Law // *Weil P.* How to be French? Nationality in Making since 1789. Durham, 2008.
- Weil P.* Nationalities and Citizenships: the Lessons of the French Experience for Germany and Europe // Citizenship, Nationality and Migration in Europe. London, 1996.